

Умный в горы не пойдет, пока повод не найдет

Беатрис Альбрицци

Una mattina mi son svegliato

O bella ciao, bella ciao

Bella ciao, ciao, ciao

Не то, чтобы Беатрис с кем-то всерьез прощалась или тем более намеревалась вступать в партизаны, но наматывать на своих двоих добрых километра три в горы просто пыхтя с натуги было в высшей степени занудно. Да и пейзажи вокруг были как на подбор горные да лесистые. В самый раз попартизанить можно, если вдруг чего. Шатенка думала затянуть что-то посовременнее, но быстро поняла, что под поп-хиты по горным весям пешедралить получается как-то хуже. Не мотивирует почему-то делать монотонное "левой-правой, левой-правой". Видимо предки предков что-то знали такое, особенное.

O partigiano portami via

O bella ciao, bella ciao, bella ciao ciao ciao

O partigiano portami via

Che mi sento di morir.

Так, хотя стоп. Отставить морир. И партиджано тоже отставить. За очередным поворотом горной дороги появились сначала ворота, а затем и остальной монастырь. Осталось покрыть последние метров двести и можно выдохнуть, дошла. Воодушевленно затоптав финальные метры до цели, сицилийка остановилась перевести дух и, заодно, осмотреться. Встречать ее никто особо не спешил, да чего там, даже за воротами ничья фигура по своим делам не маячила. Либо Беатрис так зашла удачно, либо тут и не было никого вовсе. Самой за ворота соваться без приглашения было боязно, еще не поняли бы кто и почему, проблемы бы начались.

- И дальше как? - почти уже успела спросить шатенка, когда ей на глаза попалась висевшая у ворот рында. Видимо в нее надлежало звякнуть, чтобы что-то или кто-то случился и дальше стало понятнее. Внутренняя кошка, до этого явно безмятежно дремавшая всю дорогу наверх, активно проявила интерес и в унисон с интуицией начала требовать прекратить на рынду пялиться и сделать уже что-нибудь полезное. Однако, стоило только всему случиться, как та же самая кошка, секунды назад сама тянувшая метафизические лапы к несчастной рынде немедленно поежилась, требуя прекратить это безобразие сейчас же. Девушка рефлекторно сделала пару шагов назад и демонстративно уставилась в проем ворот, делая вид, что она тут вообще не при делах, все само звенело, а рынды так и вовсе не существует даже.

Финехас Зейдан

Финн из тех лишенных личных границ учеников, на которых мастера могут взвалить любое задание и сопротивления не встретить. Он, как равнодушный мул, только крикнет, но потащит, чего бы ему там сзади в повозку не навалили. Впрочем,

справедливости ради — ничего неподъемного мастера и не предлагают. В постоянных дежурствах типа мытья пола или посуда Финн вообще никаких проблем не видит, а какие-то более глобальные задачи в него попадают редко. Да и те, откровенно сказать, ненапряжные. Поэтому сейчас, когда одна из мастериц перебрасывает ему задачу встретить новичка у ворот — а заодно не быть неприятным гаджетом, не напугать человека и порога и уж тем паче не влезть в драку, — Финн отвечает "так точно" и топает. Он что-то такое слышал про то, что последняя новенькая ученица то ли попыталась вломить встречающему за все хорошее, то ли вообще успешно втащила ему от всей широты души. Короче, Финн примерно в курсе, откуда берется инструкция про "не драться" и даже в состоянии кивнуть в ответ с понимающей рожей.

Правда, он и не из тех встречающих, что начинают патрулировать ворота с самого утра, корчась от гиперответственности. Финн на свое задание выдвигается с лентой, и в итоге слегка опаздывает, и колокол у ворот уже успевает вскрикнуть так, словно в него не просто позвонили, а с полной экспрессией вырвали ему язык.

Правда, добравшись до ворот — ему на это требуется еще с минуту, потому что после этого отчаянного звона он ускоряет шаг, пока следом за колоколом там еще что-нибудь не отправилось в утиль, — юноша обнаруживает, что колокол вроде висит где положено, а стоящая рядом девушка старательно изображает лицом, что ее тут вообще здесь нет.

— Чего, сломала? — добродушно интересуется Финн, кивая в сторону колокола. Присматривается к колоколу, выясняет, что там вроде как все на месте, и немедленно об этом сообщает: — Да не, кажись, все в порядке. Ну, тогда можно и к формальностям. Добро пожаловать в Линь Ян Шо, проходи, не стесняйся. Пойдем, покажу, где у нас тут чего, помогу разместиться. — Цветастые приветствия ему никогда особо не удавались, но, на взгляд Финна, и то, что уже сказано, для начала вполне себе пойдет.

Беатрис Альбрицци

После колокольного звона никто в воротах чудесным образом не возник. И спустя минуту после — тоже. Не иначе как сицилийка настолько удачно прикинулась мебелью, что ее стало не видно, не слышно, а значит и встречать не обязательно. Второй раз к рынде подходить желания не было. Внутренняя кошка при одной только мысли об этой металлической штуке поднимала шерсть дыбом и делала спину дугой. С другой стороны пускать перед воротами корни и покрываться пылью от времени тоже идея была так себе. Из очередного "приступа кошкости" девушку вывел появившийся в воротах парень. И только уже Беатрис рыпнулась к нему с облегченным "Здрасте!", как тут же вернулась откуда стартовала.

- В смысле, сломала?! - выразительно уставилась на парня шатенка с немой претензией. Вон висит ваш дурацкий звонок, чего ему станет то, он ж железный. А Беатрис, в отличие от некоторых, нет. Кошке такое вопиющее игнорирование ее любимой тоже по нраву не пришлось, так что кошачий совет единодушно постановил парня в число приятных не заносить и спуску ни при каких обстоятельствах не давать.

- Scialla! Что этой железяке будет, - уловив дружелюбные нотки в голосе встречающего шатенка решила подыграть и на этой ноте съехать с "неправильного" начала знакомства. Получилось неплохо. Особенно когда следом предложили показать куда можно бросить порядком задолбавший рюкзак. Да еще и мгновенно проснувшееся кошачье любопытство сверху добавьте.

- Беатрис, - представилась сицилийка, одновременно со словами направляясь к стоящему в воротах парню. Имени своего тот, правда, не назвал, но такая мелочь девушку не затруднила.

- А ты...?

Финехас Зейдан

— Да даже если бы сломала, что с того? Ну сказала бы мне, что он тут до тебя такой и был, я бы поверил, — пожимает плечами Финн. Ему играть в дотошного блюстителя порядка неинтересно с детства. А уж встречать новенькую ученицу санкциями сразу с порога, это вообще никому не надо. Финну так-то недвусмысленно намекнули, что Линь Ян Шо надо постараться представить в лучшем свете — насколько это, конечно, возможно силами такого некрасноречивого и, откровенно говоря, ленивого гида.

Новенькую зовут Беатрис. Это звучит очень гордо, чем юноша немедленно и делится: — Звучное имя. Красивое. А я Финн, приятно познакомиться. — В полном имени-то, конечно, у него, может, тоже что-то звучное найдётся, но Финн давно уже полагает, что не такое он официальное лицо, чтобы полным именем вокруг себя разбрасываться, его глубоко неофициальному рылу это как будто совсем не подходит. — Помочь рюкзак дотащить? Считаю меня послушным тягловым мулом, я сюда для того и направлен. — Его, в принципе, мастера уже применяли для тягания мешков, один несчастным рюкзаком тут теперь не напугаешь.

В близлежащих планах у Финна еще маячит некоторое подобие экскурсии для Беатрис — такой, тезисной, чтобы коротко обозначить, где здесь что есть и на что можно рассчитывать. Но абстрактно тыкать пальцами по воздуху без конкретных объектов в зоне прямой видимости кажется ему чересчур заковыристым. А из объектов на горизонте пока только храм маячит, поэтому Финн с чистой совестью решает, что экстракт экскурсии подождет, никуда не денется. И вместо того, чтобы болтать самому, юноша пытается сподвигнуть к этому Беатрис, интересуясь: — Ты к нам учиться чему-то конкретному? Или так, из общего любопытства?

Хотя тут, кажется, все рано или поздно заканчивают общим любопытством, с какой бы очень конкретной целью ни приезжали.

Беатрис Альбрицци

- Лгать с порога немного не мое, - изобразила из себя сицилийка благонравную леди. Как будто не она буквально минуту назад делала вид, что погремушки у ворот вообще никогда не было, а увидела она ее только тогда, когда напрямую едва ли не пальцем ткнули. Внутренняя кошка немедленно согласилась с тем, что "так оно все и было, мои лапы не при делах и вообще я тут бабочками любуюсь, а не это вот ваше гремучее непотребство." Первое впечатление, смазанное неприятной вступительной фразой парня начало развеиваться. Видимо тут не все - фанатики дисциплины и с ними даже можно иметь дела без риска заразиться клинической педантичностью.

- Да он не тяжелый....., но спасибо, - от помощи с поклажей девушка отказываться не стала, не забыв при этом представить ситуацию так, что она и сама бы справилась, но не собирается лишать парня шанса побыть джентльменом. Ловко сбросив с плеч лямки рюкзака, шатенка с благодарной улыбкой вручила его Финну и наострилась следовать за новоиспеченным гидом-носильщиком.

- И так и эдак, мне кажется. - Вопрос бы с заковыркой. Сицилийка не смогла бы однозначно сказать, затащил ее в Линь Ян Шо в первую очередь "синдром

кошкости", из-за которого пушистое альтер-эго уже успело втравить шатенку в ряд проблем, или она просто приехала чему-то научиться, а заодно кошке мир показать. Так уж получалось, что одно с другим неплохо сочеталось, так что не очень понятно, что главнее и приоритетнее.

- Главное, чтобы любопытство кошку не сгубило, - пошутила Беатрис, на что сразу же получила волну внутреннего возмущения в ответ. Мол никакие кошки еще от любопытства не пострадали, и вообще у кошек девять жизней, в отличие от некоторых. Так что уж чья бы собака лаяла.

Финехас Зейдан

Лично Финн ничего предосудительного не видит в попытке увернуться от ответственности, в которую человек вляпался не целенаправленно, не по умыслу, особенно злomu, а по чистой случайности. А уж Беатрис, как новенькой, которая еще не знает, где в монастыре какие подводные камни, он и вовсе готов сделать скидку. Но честность девушки, безусловно, вызывает уважение. Финн на нее так и смотрит — с большим уважением.

— Я думаю, после такого перехода от деревни любой рюкзак уже кажется неприятно увесистым, да? — понимающе подмигивает Финн, забирая у Беатрис ее рюкзак. Самого парня периодически гоняют в деревню за продуктами, потому что он по телосложению как раз неплохо подходит для того, чтобы мешки ворочать. И даже когда мастера не зверствуют и не наваливают каких-то километровых списков с тяжеленными заказами, все равно, к концу похода становится уже неприлично сладко думать о том, как он доберется до монастыря, и там брякнет оземь всю свою поклажу и будет вволю разминать подзатекшие плечи. Так что Финн уверен, что Беатрис ее рюкзак так или иначе, но надоел уже знатно, и охотно разгружает девушку.

— "И так, и эдак" — отличный настрой. Очень гибкий, — одобряет Финн. И добавляет: — А кошка твоя, я думаю, в безопасности. У нас их здесь много, и пока ни одна не пострадала. У нас здесь — как это? — очень cat-friendly атмосфера. Кошек тут уважают. — Взять ту же сифу Грей, попробуй ее не поуважай. Или Бо-джи, например, — она же формально тоже кошка, просто очень крупная.

Тем временем храм уже приближается настолько, что в него уже можно осмысленно тыкать пальцами. Ну, Финн и тычет, и поясняет: — А это наша местная достопримечательность. Храм Будды. Он же местная библиотека. Он же — место для вдумчивых занятий, вроде каллиграфии, и всяких сидячих лекций. Он же — монструозный плацдарм для дежурств, которым тут периодически пугать пытаются. В общем, думаю, ты с ним так или иначе, познакомишься поближе. Желаю, чтобы это было "так", а не "иначе".

Беатрис Альбрицци

Незатейливая экскурсия началась сразу следом, стоило парню только забрать действительно порядком подзадолбавший рюкзак. Не то, чтобы он был вот прямо "неприятно увесистым", как это расписывал Финн, но и таскаться с ним как с писаной торбой тоже великого желания Альбрицци не ощущала. Тем более, что тема быстро переехала с поклажи на собственно сам монастырь. Не прошло и минуты, как новоприбывшей открылась, видимо, главная достопримечательность - Храм Будды.

- Mamma mia! - уважительно присвистнула сицилийка, рассматривая монструозное на фоне прочих карликовых построек здание. Вот уж точно, достопримечательность, так достопримечательность. Пройти мимо невозможно. Даже сослепу. От общего

впечатления девушку отвлекла фраза про дежурства. Которые назначались в том числе в и Храм. Стоп, что? ТУДА?! От одной только мысли о том, чтобы пойти надраивать в этой громадине полы и наводить прочее благолепие внутренняя кошка немедленно подняла шерсть дыбом, спину дугой и возмущенно зашипела. Еще не хватало все девять жизней там убить, протирая пыль. Не дождетесь! Не бывать такому НИКОГДА!

- Хочется верить, - горячо согласилась Беатрис, всячески поддерживая мысль парня о том, что ей в это адское трудо-чистилище наведаться не придется, если совсем все прахом не пойдет.

Стараясь отвлечь себя и кошку от неуютных мыслей о дежурствах шатенка уцепилась за "cat-friendly" фразу, сменив тему в сторону, как ей показалось, позитива.

- Сифу Грей? Бо-джи? - вопросительно посмотрела сицилийка на Финна, ожидая разъяснений. Пока было понятно, что это две явно уважаемых персоны, причем обе со своим "синдромом кошкости", раз уж фелиниды тут в почете. Внутренняя кошка при этом сразу поддакнула, что раз кошки тут - священные животные, то ни на какие дежурства ни в какие храмы их отправлять нельзя. Иначе карма испортится, чакра забьется, удача отвернется и вообще заставить кошку работать - это смертный грех.

Финехас Зейдан

Храм впечатляет Беатрис – сначала в хорошем смысле, а потом тут же, не сходя с места, и в плохом тоже. О последнем Финн жалеет: вот надо было все-таки поддержать язык за зубами, не портить впечатление сразу. Условных три минуты хотя бы оставить девушке на чистое, ничем не омраченное восхищение. А то выходит, не успел презентовать одну из главных достопримечательностей монастыря, как сам же ее и загадил лишними подробностями.

Ну да ладно. Чего уж теперь. Поздно делать лютые телодвижения жабрами в попытках заглотить неосторожно вылетевшие слова.

– Не увлекайся несанкционированным мордобоем, и честь драить храмовые полы тебя с высокой вероятностью минует, – пытается Финн то ли предупредить, то ли обнадежить. На его памяти, туда попадали на дежурство в основном или отметившиеся лихой дракой, или какие-то совсем безнадёжные в смысле мозга ученики, которым тот самый мозг, видимо, пытались вправить трудотерапией. Ну и так, исключения еще иногда случались, потому что проштрафившиеся и безнадёжные набираются не всегда, а полы мыть таки надо.

А Беатрис уже сыпет следующими вопросами, и выясняется, что Финн, увлекшись рассуждениями, некоторые из них вывалил вслух, и озадачил девушку незнакомыми именами. Ну ладно, пусть это тоже будет часть экскурсии.

– Старшие мастера, грозные и прекрасные дамы, большие профессионалы в своих областях, – охотно поясняет Финн. Может, ученик он и не самый прилежный, и вообще ходячий позор наставницы (то-то ее и в монастыре не видно, посмотрела на уже не такую зеленую поросль, из которой ничего путного так и не выросло, и, видимо, больно травмировалась фейспалмом), но уж с уважением к мастерам-то у него в порядке. Ровно как и с нежеланием лишний раз нарываться. – Они, правда, в последнее время не преподают, все младшие мастера по этой части отдуваются. Но, может, когда-нибудь ещё вернутся к обучению младшего поколения, тогда и познакомишься. Из базового: весьма уважаемые женщины и кошки, услышишь, как их упоминают с почтительным выдохом – не удивляйся. – Тем временем за разговором они пересекают ручей по мостику и почти упираются в ученические

корпуса. О чём Финн немедленно и сообщает: — А вот в этих домах у нас ученические комнаты. Сразу поищем тебе свободную или сперва покормим тебя с дороги? Столовая тут рядом, крюк будет небольшой.

Беатрис Альбрицци

- Кто? Я?! - картинно удивляется сицилийка, когда парень упоминает про "не лезь в драки и все будет тип-топ". - Да я мухи не обижу, - не моргнув глазом заявила Беатрис, всем видом изображая из себя если не голубя мира, то хотя бы ангела. Болтался бы над головой нимб, так специально бы сняла, протерла, чтоб светился ярче и назад прицепила. Стоит признать, тут девушка явно приукрашивала факты, выдавая желаемое за действительное. Приложиться по чужой глупой бестолковке она вполне себе могла и не спрашивая взаимности, но никогда про это не стала бы заявлять вслух.

Потом речь зашла про только что поименованных сифу Грей и Бо-джи. В целом, примерно об этом шатенка и догадывалась, разве что не очень поняла, что за "сифу" и "джи" такое. Если второе еще можно было назначить сокращением от "generale" и тут все понятно, то с "сифу" голова пока никакого сравнения не придумала. Но это явно где-то рядом с первой догадкой, не зря же синьор(ину?) так уважительно упоминают.

- Capish, - кивнула Беатрис, давая понять, что с диспозицией авторитета в храме вопросов нет. Раз они тоже с "синдромом кошкости", значит сицилийка с ними поладит. Наверное. Очень хочется верить, во всяком случае.

А между тем экскурсия подходит к развилке, о которой экскурсовод не замедляет сообщить. Причем сообщить так, что ни про какое "или" даже заикаться не приходится. Комнату она себе уж как-нибудь найдет, на крайняк - отвоюет. А вот поесть, да еще после пешехода на свежем воздухе? Для ушей самой Беатрис предложение звучало как музыка, а для кошачьих - так и вовсе райским гимном, за который Финну можно было даже простить вопиющие инсинуации, с которых началось их знакомство.

- А что сегодня в меню? - лучезарно улыбнувшись поинтересовалась сицилийка, недвусмысленно намекая на то, в какую сторону надо вострить лыжи. Бешеной собаке семь верст - не крюк, а голодной кошке - тем более.

Финехас Зейдан

— Вот и чудесно. Значит, ты вне зоны риска, тебе мытье храмовых полов на шею, вероятнее всего, не повесят, — заявляет Финн, не моргнув и глазом. Он, конечно, мог бы делать поправку на то, что в монастыре в разнообразные перепалки с драками и прочим рукоприкладством вступали в основном девушки, но конкретно сейчас — Финн просто выложил базу, ничего такого не имея в виду. Мало ли, вдруг Беатрис, при всей ее заявленной кротости, вдруг остро захочется с размаху съездить кому-нибудь по ослиному рылу? Деятели-то в монастыре разные есть, некоторые порой аж напрашиваются. Ну вот, на случай каких-нибудь таких прецедентов — теперь Беатрис точно предупреждена и знает, чем рискует.

— В меню? Ну как — рис с начинкой, — с лёгким запозданием отвечает Финн. Это не из тех вопросов, на которые он готов с лёгкостью ответить, да и вообще, за кулинарными монологами — это не к нему. В монастыре, безусловно, есть люди, которые самый вяло сваренный рис способны расхвалить на все лады и продать как блюдо молекулярной кухни из мишленовского ресторана или какие там еще кухонные изыски звучат красиво до смачности. Но это, опять же, скорее к девушкам.

У Финехаса язык для такого недостаточно хорошо подвешен, его максимум – выдать базу так, чтобы она звучала более-менее радужно. – Нормальная такая начинка. Овощи, курятина, все прижаренное. Ничего такого выдающегося, конечно, но и ничего недостойного, дежурные по уму сделали. Да пойдем, сама заценишь, – и Финн решительно забирает вправо, тем более, что столовая тут совсем рядом, можно все эксперименты провести сразу, не откладывая. При этом экскурсия, в понимании Финехаса, не окончена, а потому он на ходу продолжает тыкать пальцами в разные стороны, поясняя и показывая: – Вот эти дома слева – жилые корпуса. В первом живут мастера и старшие суровые обитатели, в остальных – ученики. Короче, как ты понимаешь, у первого дома под окнами лучше не голосить и другими порицаемыми делами не заниматься. Швырнут в тебя дежурством из окна и не побрезгут. Вот это сразу справа – столовая, ее сейчас осмотрим поподробнее изнутри. А следующее за ней здание – лазарет. Туда носишь все свои простуды, переломы, головные боли и прочая, и прочая. Только не стесняйся в этом плане. А то, если принесешь запущенную болячку, дежурные целители могут еще и сверху добавить. Потом вылечат, конечно, но сперва от себя воспитательно всекут – короче, тебе не понравится, я думаю. – Сам Финехас в этом плане исключительно везучий скользкий гад: он серьезную травму за время жизни в монастыре поймал всего раз, и то его тут же подлечила снисходительная ученица, вовремя оказавшаяся рядом. Даже не пришлось идти к мастерам и объяснять, что он за олух и каким образом сам себя уделал.

Беатрис Альбрицци

"Рис с начинкой" в понимании всю сознательную жизнь прожившей среди итальянской кухни Беатрис мог означать или ризотто или аранчини. При воспоминаниях о которых на голодный желудок разум услужливо выудил из омута памяти умопомрачительные ароматы и вкус, а также очень сочные картинки помянутых блюд. Тем более, что родители Беатрис были с кулинарией на "ты" и готовить умели на славу. Так что ничего удивительного, что и без того улыбающаяся сицилийка расплылась вовсе уж в улыбке чеширского кота и на предложение пойти и заценить двинулась за парнем немедленно, со всей возможной готовностью и желанием. Внутренняя кошка точно так же незамедлительно откликнулась довольным мурчанием, всячески подбадривая и поощряя Альбрицци в стремлении как можно быстрее оказаться около столь вкусно обещанной еды. Так что ничего удивительного, что вторую часть лекции, которая про лазарет, болячки и воспитательно-карательную медицину она не слушала практически никак. Слова парня, конечно, доносились до ее ушей, но сталкивались с уже оккупировавшими голову мыслями о вкусной еде, которая была вот совсем сейчас и рядом и уносились прочь, потому что ловить было явно нечего. Единственное, что смогло пробиться через кордоны голодных мыслей, так это слова о том, где шатенке предстояло жить в монастыре. Повернув голову в сторону, в которую указывал Финн, Беатрис с интересом рассматривала видневшиеся вдалеке постройки корпусов, которые отсюда были неотличимы, так что понять которые из них для мастеров, а какие ученические было решительно невозможно.

- "Старшие суровые обитатели"? - переспросила Альбрицци, так и не поняв о ком сейчас говорит Финн. Если с дуализмом бытия "учитель - ученик" все было предельно просто и прозрачно, то что за старшие обитатели такие и почему они вдруг суровые вопросов было явно больше, чем ответов.

Финехас Зейдан

Вот сразу же так и сказал – "скорее к девушкам". И, похоже, был кругом прав. Судя по тому, как загораются глаза Беатрис, она по крайне куцему описанию Финна умудряется вообразить себе что-то эдакое. Такое, чтоб прям на слюни изойти можно было. И, в общем, всю оставшуюся дорогу до столовой она примерно это и делает. Исходит. И Финн крепко подозревает, что значительная часть всех остальных его слов проходит мимо девушки.

Ну и ладно. Что он тут, какие-то уникальные сакральные знания выдает, которые нигде в другом месте получить нельзя? Нет же. Наверняка специально для Беатрис найдутся люди, которые ей все это повторяют, если у нее возникнуть вопросы. Стопудово кому-нибудь да будет не лень.

Впрочем – о, кое за какую информацию она все же цепляется.

– "Суровые старшие обитатели" – это выучившиеся ученики, которые не стали преподавать. Могут по шее дать больно, если их бесить, там у каждого уже готов рабочий арсенал под это дело, – поясняет Финн. Технически, там все сложнее, конечно. Но если попытаться объяснить в подробностях, то он точно этой нафиг сейчас не нужной информацией перегрузит Беатрис, а у нее и без этого в глазах уже один почти только рис с разнообразными начинками.

Ну и чего этот рис тогда откладывать, если он так манит, проклятый.

В столовой, предсказуемо, никого, все уже перехватили полагающихся харчей в отведенное время. Финн сгружает рюкзак Беатрис у двери, чтобы он там временно постоял, широким жестом обводит пустующие столики и приглашает: – Выбирай любой, какой больше понравится. Я счас, еду организую. – Этот процесс у него отработан неплохо, он не из тех людей, которые вот прям всегда успевают прийти на раздачу харчей. Найти оставшиеся с обеда порции жареного риса с курицей и овощами, заботливо припрятанные дежурными, разогреть одну и притащить обратно к Беатрис в чистенькой пиале, вместе с вилок и палочками. По инерции-то Финн, конечно, тянет палочки, а вилок подхватывает так, в последний момент, потому что мало ли, кому чем удобнее. Выставив перед Беатрис все принесенное добро, Финн так благожелательно, как только может, сообщает: – Приятного аппетита. Зеленый чай пьешь? Если да, то сейчас тоже соображу.

Беатрис Альбрицци

С "суровыми старшими обитателями" разобрались быстро. Ими оказались не кто иные, как "выпускники", которые научиться научились, а дальше себя еще не пристроили. С одной стороны это сразу объясняло их серьезность. А с другой не давало никакого объяснения тому, зачем их бесить. Да и вообще, специально бесить людей – занятие странное. Если не сказать глупое. Потому что даже сама Беатрис, хоть и была из числа миролюбивых людей, которые не провоцируют скандалы, но если до нее кто-то систематически начал бы докапываться, не сдержалась бы и отвесила такому доставучему человеку пинка под зад. Так что если она не умудрится взбесить кого-нибудь просто самим фактом своего существования, проблем с этой частью обитателей не предвиделось.

- С чего ты решил, что я начну их бесить? - спросила сицилийка, следом за парнем заходя в столовую. В помещении стоял приятно щекочущий ноздри аромат еды, что на разогретый предвкушением и неплохой такой прогулкой по горам голодный желудок быстро сыграло свою роль. Предложенный девушке рис с мясом и овощами не был ни ризотто, ни аранчини. Но источал чертовски аппетитный аромат, который

быстро вытеснил сиюсекундное разочарование в том, что Альбрицци не угадала с выбором блюд.

- Molte grazie! - незамедлительно поблагодарила сицилийка, вооружаясь предложенными палочками, но все же придержала себя от желания немедленно приступить к изничтожению содержимого пиалы.

- А ты сам разве не будешь? - поинтересовалась Беатрис, заметив, что на столе стоит только одна порция. Правда буквально следом ее догнало осознание того, что вокруг практически никого не было и, видимо, время приема пищи уже прошло. Но все равно поинтересоваться хотя бы из вежливости лишним не было точно.

- Да, конечно, - подтвердила Альбрицци, когда речь зашла о чае. И хоть зеленый чай и не было ее любимым, уступая первенство своему красному собрату, ничего против Беатрис не имела. И, поддавшись на настойчивые внутреннекошачьи требования прекратить болтать и начать уже наконец-то есть, подцепила палочками кусочек курицы из своей пиалы.

Финехас Зейдан

— Я ничего не решал, — немедленно отказывается Финн. Он, если уж на то пошло, вообще ничего не имел в виду, просто рассказывал, как оно тут все обстоит в здешних широтах. — Меня на сегодня назначили твоим экскурсоводом, вот я тебя и экскурсовожу по мере сил. И просто предупреждаю на всякий случай о нюансах, о которых вспоминаю. Если этот "всякий случай" тебе никогда не понадобится — прекрасно. Будешь одной из самых образцовых учениц. Мастера гордиться будут. — Ну, тут Финн, может, немного и преувеличивает, но ему искренне кажется, что никакого лютого преувеличения в его словах нет. Так, разве что самую малость.

На чай Беатрис соглашается. Так что Финн ей это немедленно организует. И добродушно рассказывает, выставляя свежесваренный чай на стол: — Я уже пожрамши. Приходил в общую смену. По расписанию у нас тут завтракают в семь утра, обедают в два часа дня и ужинают в восемь вечера. Но если опоздать и прийти позже, по своему, альтернативному расписанию, то ругать особо не будут. Самое страшное — придется все делать самостоятельно, и еду себе накладывать, и посуду за собой мыть. Ну вот как сейчас. Обычно этим дежурные занимаются.

Про столовую больше рассказать особенно нечего — разве только уходить в какие-то совсем уж нудные детали, которые сейчас как будто ни к чему и только заморочат Беатрис голову. С минуту Финн просто добродушно и терпеливо следит за тем, как девушка расправляется со своей порцией. Потом думает, что вот так и сидеть и таращиться — это минимум неловко, а то еще и крипово, и нужно все-таки экскурсоводить дальше и наскрести в себе какие-нибудь слова.

— Ты вроде особо не переживаешь — вот и правильно. И не стоит, — говорит в итоге Финн. — Я тут, конечно, наболтал всякого страшнящего, но по факту, оно не так часто встречается. У нас средняя температура по больничке в основном нормальная. Думаю, ты вступишь без проблем.

Беатрис Альбрицци

На подготовленный "предварительными ласками" желудок даже непритязательная монастырская еда произвела самое благоприятное впечатление. При любых других обстоятельствах невеликий набор специй и, в общем-то, пресный рис на Альбрицци произвели бы куда менее восторженный эффект. Но после хорошего марша в горы, да еще и с правильным настроением.... Не смейте отбирать у голодной кошки честно

заслуженную пищу, если вам жизнь дорога! Хотя даже увлеченная процессом, сицилийка не забывала о приличиях и не позволяла кошацъему желанию послать все к черту и наброситься на рис, наплевав на манеры и этикет. Все таки в этом теле хозяйкой была именно Беатрис, а не пушистый фелинид. Кивком поблагодарив парня за предложенный чай, чтобы не бубнить с набитым ртом, Беатрис вернулась было к еде, но, поймав на себе чужой взгляд, вновь подняла глаза от пиалы.

- Что? - под пристальным взглядом Финна ей сделалось даже как-то неуютно. Дома на Сицилии на людей не было принято таращиться, когда она занимаются личными делами, в том числе приемом пищи. - Я что-то делаю не так или у меня в волосах что-то застряло, что ты на меня так смотришь?

Меж тем, парень, видимо и сам понял свою оплошность, потому что поспешил перевести тему.

- Если на меня так будут немигающе таращиться, то повод для беспокойства точно найдется. - Сицилийка постаралась не выдавать возникшей неловкости, но перебороть возникшее странное чувство дискомфорта до конца так и не смогла. Еще не хватало, чтобы такое началось в более... личной обстановке. Так и до паранойи станет недалеко. И хотя пиала еще не была пуста, чтобы отвлечь себя от ситуации, Альбрицци осторожно взяла в руки чашу с горячим ароматным чаем и сделала несколько маленьких глотков. Как и было положено, чай был горячий, а обжигаться впопыхах явно было лишним.

Финехас Зейдан

Вот. Ровно это Финн и имел в виду, когда думал, что разглядывать людей вот так, как он сейчас от большого ума разглядывал Беатрис, – крипово и странно. Естественно, девушка это заметила. И у нее немедленно возникли вполне закономерные вопросы, на которые неплохо было бы дать вменяемый ответ. Хоть один. Хоть сколько-нибудь. Чтобы не блеять в духе "да я как-то, короче, вот" и не зарекомендовать себя как подозрительного странного черта с первой же встречи. Да ладно себя – по нему потом Беатрис может какие-то выводы и на других ребят из монастыря распространить. И вот это уже может оказаться лишним. Хотя не обязательно несправедливым, конечно – но все равно, не стоит с порога вываливать все худшее.

– В волосах? Нет, ничего такого нет. Напротив. Красивые у тебя волосы. Я бы даже сказал, шикарные, – честно замечает Финн. Красивых девушек в монастыре немало, каждая на свой лад – но, на памяти юноши, таких густых, да еще и таких длинных волос нет ни у кого. Во всяком случае, Финн с ходу никого не вспоминает. И комплимент делает вполне искренний – впрочем, это все равно не индульгенция на то, чтобы крипово глазеть. Поэтому следом Финн извиняется: – Прости. Не хотел тебя беспокоить. Сейчас, дену свои глаза куда-нибудь, чтобы они тебе не мешали... О, ведро, что ли, кто-то уволок? – В попытках действительно воткнуться взглядом куда-нибудь так, чтобы не тревожить Беатрис, Финн натывается на ведра у входа и, машинально их пересчитав, замечает, что их на одно меньше, чем обычно. Вот и занятие находится само собой: дальше Финн приглядывается, пытаюсь понять, это кто-то очень старательный припрятал еще одно ведро, сдернув его с привычного места, или действительно уперли, чтобы применить где-то в другом месте, и хорошо, если по назначению. Впрочем, это не то чтобы срочный вопрос, это можно будет и потом выяснить, когда он посуду мыть будет. Кстати, об этом: набежав на посуду мыслями, Финн обещает: – Тарелку-чашку я потом сам помою. Не заставлять

же тебя дежурства тестировать с порога, верно?

Беатрис Альбрицци

Волосы для Беатрис были предметом особой гордости, равно как и и объектом трепетного ухода, холения и лелеяния. Так что да, грива была и впрямь роскошная, и сицилийка даже не пыталась этого скрывать, а скорее наоборот, нагло выставляла напоказ, особенно когда красилась во что-то ядреное, вроде ярко-синего или чего-то похожего. И пусть комплименты о красоте волос Альбрицци скоро уже, должно быть, начнет воспринимать как должное, менее приятными они от этого не становились.

- Спасибо, - улыбнулась Беатрис, после чего не удержалась и чуть тряхнула шевелюрой, одновременно убирая с плеч длинные локоны, чтобы не мешали за столом. Флиртовать с Финном она, естественно не собиралась, она его и знала-то хорошо если час, но от спонтанного желания чуть-чуть щегольнуть не удержалась. После чего снова улыбнулась, стараясь сдержать смешок и вновь пригубила чаю.

- Ну, я уже привыкла немного, что на мою шевелюру все так или иначе реагируют, но чтобы столь откровенно - впервые, - хмыкнула девушка в ответ на извинения, давая понять, что нет смысла заострять на случившемся избыточное внимание. Ну залит и залип, с кем не бывает. Не с руками же полез, что куда важнее. А Финн уже настолько явно наострился перевести стрелки на другое, что зацепился за, как показалось сицилийке, совсем уж надуманную мелочь. Вот скажите ей, зачем еще он будет в разговоре с девушкой столь усердно пересчитывать.... ведра! Беатрис знала всего три причины. Или парень втюхался и поплыл, или дал заднюю и ищет повод соскочить, или как сейчас, сотворил чушь и ищет как с нее съехать.

- Scialla! Пялиться на девушку - это еще не конец света, - попыталась сицилийка шуткой разрядить обстановку, - просто не надо при этом пытаться просверлить в ней глазами дырку. Вот, в общем-то и весь фокус. А насчет посуды мне и самой не сложно.

Не то, чтобы Беатрис вот прямо в первых рядах рвалась на должности монастырской посудомойки, но и филонить от обязанностей тоже не планировала. Тем более, если есть дежурные, которые, надо думать, уже успели с чистой совестью уйти по своим делам и так перемыв за местным Вилларибо (а может и Виллабаджо, если не повезло) целую гору посуды.

Финехас Зейдан

Ну да. Финн откровенно цепляется за первый повод, который находит. Он не слишком силен в тонких застольных беседах – или прогулочных, неважно, после определенной толщины он перестает разбирать нюансы, – поэтому воспринимает все достаточно прямолинейно, возможно, даже с перегибами. Беатрис более чем однозначно дала понять, что устремленный на нее взгляд был для нее некомфортным, поэтому Финн честно этот взгляд убирает, хоть куда, лишь бы да. И потом, в давно знакомой насквозь столовой не так уж много поводов что-нибудь поразглядывать.

Ну и потом, вопрос с ведром все-таки не такой уж и надуманный, как могло показаться. Если завхоз возжелает пересчитать инвентарь и того инвентаря недосчитается – Финн явно окажется в зоне подозрений как один из последних учеников, кто забегал в столовую и чего-то там с посудой тыркался. В общем, лучше этот вопрос как-нибудь провентилировать и решить, пока мастера не начали вопросы задавать. И все-таки без участия Беатрис, желательно. Ни к чему, наверное, втягивать ее в эти мыльно-ведерные разборки с порога. А то еще, чего

доброе, и ее посчитают как причастную.

– Спасибо. Буду иметь в виду и постараюсь освоить этот фокус получше, – серьезно кивает Финн. Он *правда* далек от эталона социальных взаимодействий, и внутренний компас адекватности у него еще заметно сбит из-за того, как много Райан ему прощает.

Вопрос с посудой как-то маячит на повестке дня заметно дольше, чем он того вообще заслуживает. И кто бы в итоге ни взялся ее мыть, а воды для припозднившихся едоков дежурные все равно не оставили. Поэтому Финн подытоживает: – Да в любом случае, вода понадобится. Водопровода у нас тут нет, из ручья таскаем. Я тогда схожу, принесу пока. Надеюсь, ты тут не заскучаешь. Может, кто из местных хвостатых заглянет, развлечет тебя – они сюда периодически заглядывают на предмет чего бы перехватить. Я быстро.

До ручья от столовой всего ничего, да и Финн совсем не пытается надорваться и притащить ведро полным до краев – на мытье посуды всего за одной Беатрис столько не понадобится. Притащив ведро, Финн оставляет его у входа и честно предупреждает: – Вода холодная. Сильно. Может, все-таки лучше я? – Он в водной магии хоть и едва-едва, а все же булькает, чакра на четверть ставки, но работает, ему полоскаться в холодной воде не так неприятно.

Беатрис Альбрицци

На шутку сицилийки парень отреагировал в целом адекватно. Но как-то чересчур серьезно. Обычно когда человеку дают неприличной толщины намеков, да что там, почти что прямым текстом говорят, что пора уже выдохнуть и не заморачиваться, он именно так и делает. Но тут, видимо, был особый случай, хотя впечатление нерда парень не производил. Таких Беатрис видела неоднократно еще дома, в Сиракузах. К ним даже подходить то порой бывало боязно, так их колбасить иногда начинало от одной только перспективы разговора с представительницей прекрасной половины человечества. Ну и, естественно, они в таком состоянии едва пару слов связать могли. Тут же все вменяемо, но как-то с перегибом что-ли. Впрочем ладно, мало ли какие там мадагаскарские тараканы у парня в голове могли обитать. На сицилийку с ее "приступами кошкости" тоже не все адекватно реагируют, и ничего, живет себе дальше. Так что чем Финн хуже? Вот и Альбрицци так считает.

- Да мне тут есть чем себя развлечь, - девушка кивнула на початые пиалу и чашку с чаем, - так что не заскучаю.

И как только Финн удалился за водой, сицилийка вернулась к прерванной трапезе. Все же оставлять после себя объедки - это не то, что не вежливо, а натуральное свинство, да и внутренняя кошка требовательно заявляла что "я еще не доела", так что поводов заняться едой было немало. На прощание парень, правда, сильно огорчил Беатрис новостью, что с водопроводом тут напряженка. Хотя, может это только в кухне так, а в жилых корпусах все с этим в порядке. В любом случае, как любая уважающая себя девушка, а к тому же еще и кошка, Альбрицци планировала с дороги принять душ. И было бы вдвойне классно, если бы ей не пришлось вылизываться, беря пример со своей кошачьей ипостаси.

- Сказала же, мне и самой не сложно, - повторила Беатрис, когда Финн вернулся. Внутренняя кошка от такой инициативы Альбрицци была в шоке и всеми лапами была против того, чтобы ее, пусть даже и метафизически, тащили в холодную воду. Но тут сицилийка осталась верной своему слову и на поводу у кошачьего я идти

наотрез отказалась. Тем более, что к этому моменту рис был съеден, чай выпит и оставаться в столовой дальше и болтать о пустом смыслов не было никаких. Тем более, что ей еще вещи разбирать. И душ, куда ж без него-то.

Финехас Зейдан

Несмотря на расхожую поговорку о том, что третий раз, мол, во всех начинаниях самый счастливый, Финн искренне полагает, что в определенных ситуациях счастливый этот третий раз только для того, чтобы счастливо получить по морде. Вот как раз в таких случаях, как сейчас, например. Первый раз можно предложить свое участие со всей ответственностью, второй раз – из вежливости на всякий случай напомнить о своем участии впрямь, чтобы у человека осталась возможность соскочить, если вдруг он крепко подумал и передумал. Ну, а дальше следует заткнуться и никакого третьего раза уже не продуцировать, не быть дятлом и не бесить людей. Поэтому, когда Беатрис повторяет, что готова сама вымыть за собой посуду, Финн к ней больше со своими бесценными предложениями помощи не лезет. Вместо этого он покладисто кивает: – Как скажешь, – и частично переливает принесенную воду во второе ведро – чтобы в одном можно было собственно мыть, а в другом полоскать.

В теории, можно согреть в чайнике еще воды и долить кипятком, чтобы рукам было поприятнее. По факту же, Финн полагает, что на это уйдет гораздо больше времени, чем заслуживают одна пиала из-под риса и одна чашка из-под чая. Поэтому в сторону чайника он даже не дёргается, а продолжает методично готовить инструментарий – достает припрятанные глубоко на верхнюю полку губку и мыло. Дело не в том, что он не доверяет Беатрис и ее способности сориентироваться на незнакомой кухне. Вопрос опять же банально в том, что быстрее. Просто Финн уже знает не только где что лежит, но и куда что дежурные могли засунуть, знаком с нычками и ухватками других учеников. Ему легче сориентироваться, вот и – как это сказала Беатрис? – весь фокус, ничего такого.

В голове, как назло, крутятся дурацкие шутки вроде "прошу к барьеру" и всякое прочее в таком духе. Финн это все исправно проглатывает. Насчет Беатрис он не уверен, но может с легкостью назвать несколько учениц, которые такой заход не оценят и обидятся, смертельно или не очень. Поэтому Финн предпочитает за лучшее без лишних ляпов подготовить все, что для мытья посуды понадобится.

Беатрис Альбрицци

Вот уж с чем парень точно не приукрашивал сегодня, так это с температурой воды. Не то что холодная, а прям ледяная. Стоило только руки окунуть, как внутренняя кошка отчаянно заверещала, что хозяйка садистка, живодерка и вообще будь проклят тот день, когда она на свою кошачью голову связалась с этой чокнутой сицилийкой. Добровольно лезть в воду. Ледяную! Совсем с ума сошла, вызывайте санитаров. Беатрис же, стоически терпя и кошачью истерику и ледяную воду в ведре, принялась делать то, что и обещала. Все равно давать заднюю уже было однозначно и бесповоротно поздно, а сгибать о колена патентованную сицилийскую гордость и идти на попятную Альбрицци была не приучена и начинать приучаться не собиралась. К счастью, ради двух посуды терпеть пришлось не так уж и много. Так что вскоре чистые чашка и пиала были благополучно вручены Финну, мол на держи, и иди убирай куда положено. И пока все это происходило, Беатрис тайком растерла замерзшие руки. Все же какой бы снежной морозостойкой королевой она себе сейчас неставляла, на деле как существу теплолюбивому, все эти холодные игры

ей были вообще не в радость.

- Надеюсь в корпусах с горячей водой таких же проблем нет? - на всякий случай полюбопытствовала сицилийка, которую перспектива сначала греть себе воду, а уже потом заниматься банными процедурами не прельщала ни капельки. А под холодный душ она бы вообще никогда не полезла, пусть даже небо на землю свалилось бы. Лучше уж так, чем такие жертвы. Потом вспомнилось, что парень обещал показать ей ее комнату, а теперь, на сытый желудок и холодные руки было бы самое то до этой комнаты дойти. Так что и Финна шатенка решали наострить именно в этом направлении.

- И ты, кстати, что-то про комнаты говорил. Покажешь? - якобы невзначай между делом напомнила сицилийка начало из разговора.

Финехас Зейдан

За тем, как Беатрис отважно плещется руками в холодной воде, Финн наблюдает с глубоким уважением. Потому что вода в монастырском ручье, она вообще неласковая. Можно даже прямо сказать – ледяная до полной оторопи. Неподготовленных людей не то чтобы сбивает с ног, но... изумляет, это уж точно. Беатрис изумляться отказывается. По меньшей мере, внешне. Даже бровью себе толком дрогнуть не позволяет.

Вымытые пиалу и чашку Финн у Беатриче проворно перехватывает и отставляет на столик для чистой посуды, думая, что или он сам потом вернется и наведет тут окончательный порядок, или те, кто явятся в столовую после него, уж как-нибудь разберутся, что посуда, чалящаяся на столике для чистого – чистая, а поюзанная вода в ведрах – поюзанная. Чай, все люди опытные, не первый день имеют дело с дежурствами по столовой.

– В корпусах нам милосердно выдают и горячую воду, и даже немного электричества. А то некоторые от аскетичной жизни пытаются в дзен уйти совсем не тем маршрутом, – замечает Финн. И, чтобы Беатрис не решила ненароком, что в Линь Ян Шо на выпасе есть совсем уж психические, поспешно добавляет: – Шутка. Просто мастера решили в какой-то момент не игнорировать прогресс. Пойдем, отыщем тебе комнату. Против соседки ничего не имеешь?

Финн, со своей стороны, против предпочтений новенькой ученицы ничего не имеет. Поэтому, если Беатрис сообщит, что ей бы комнату в личное распоряжение – ну, это тоже можно организовать, такой вариант тоже доступен. Финн потом, если что, просто хлопнет ушами и сообщит, что полузанятой комнаты не нашел. Парень подхватывает рюкзак Беатрис, который все это время так чинно и стоял у двери, снова закидывает его к себе на плечи и ведет девушку к жилым корпусам.

По жилому корпусу экскурсия тоже есть, но совсем маленькая и простая. Заведя Беатрис внутрь здания, Финн сообщает: – Душевые – это прямо по коридору до самого упора, и придешь куда надо. Стиралки, в целом, там же. Их, правда, немного, на них бывает очередь. Если вопрос срочный, всегда можно выпросить себе таз для ручной стирки, но... короче, какой будет вода, ты себе уже представляешь. – Финн вещает, а сам мысленно отсчитывает двери, мимо которых проходит, чтобы миновать точно занятые комнаты и добраться до потенциально не занятых.

Беатрис Альбрицци

Разумеется, счастье не могло быть бесконечным и ожидать от монастыря комфортабельных пятизвездочных люксов all inclusive было по меньшей мере

наивно. Душевые не в комнате, а на этаже, равно как и стиралки - это она уже проходила. Студенческая общага работала по такому же принципу, так что тут ничего нового для себя сицилийка не узнала. Но, хотя бы горячая вода и даже электричество - это уже кое-что. Все ведь могло быть и куда печальнее, если задуматься.

- Плавали-знаем, - прокомментировала шатенка слова Финна, следуя за ним в ученические корпуса и попутно запоминая что тут и где. Ей теперь тут жить, так что чем быстрее освоится, тем проще будет. А вот вопрос про потенциальную соседку по комнате девушку, прямо скажем, удивил. Как-то не вязался общий аскетизм с такой свободой выбора комнат. Даже в студенческих общежитиях ее ставили перед фактом "живи с кем дали или живи на улице", а тут все ровно до наоборот.

- А у меня еще и выбор есть? - хмыкнула Альбрицци в ответ на вопрос парня. Но потом решила, что сейчас не лучшее время и место, чтобы ехидничать.

- Я тут все равно никого не знаю, если тебя не считать, - констатировала сицилийка очевидное, - так что хоть так, хоть сяк, а знакомиться придется. Да и наверное, не подселюсь я, так поделят потом ко мне. Так что от соседки по комнате мне все равно не отвертеться, не так ли?

Дома она прекрасно поладила с девчонкой, с которой делила комнату в студенческой общаге. В частности, именно с подачи Камиллы, оказавшейся еще более безбашенной чем сама Беатрис, шатенка и выкрасилась в toxic-green на выпускную вечеринку. Конечно, шансы нарваться и тут в монастыре на такую же шайтан-девицу были куда меньше, но это еще не значило, что с потенциальной соседкой она вот прямо с порога не поладит и все тут.

Финехас Зейдан

— Ну, свободные от жильцов комнаты у нас пока ещё есть. И даже не то чтобы в дефиците. Так что если предпочитаешь одиночество, хотя бы временное, — можем организовать, — пожимает плечами Финн. Сам он не видит ровным счетом ничего криминального в том, чтобы на первое время увернуться от житья с соседкой, если Беатрис так больше нравится. — Ну даже если мастера потом спросят, чего это ты так красиво разместились одна — кивнешь на меня, а я хлопну ушами и с очень честным лицом скажу, что полузаселенной комнаты нам по дороге не попалось. Да и все на этом. Бить не будут, переселять тоже. Не так нам сейчас в монастыре тесно, чтобы укомплектовываться со всей возможной плотностью.

Но Беатрис так и не признается, что жить без соседки ей хочется гораздо больше, чем с соседкой. А потому и Финн не считает себя обязанным выискивать именно пустую комнату, а решает для себя, что просто остановиться на первой подходящей, где можно разместить еще одного человека, вот и всё.

Ну и, естественно, новичков почти всегда скидывают в ближайшую доступную комнату, поэтому корпус заселен гуще ближе ко входу, а пустые комнаты начинают попадаться уже дальше. Ну и Финн не исключение, он прямой наводкой чешет к комнате, которую его память маркирует как доступную. То ли там пока вообще никого, то ли не так давно заселили одну новенькую девчонку и пока никого подселить к ней не успели — в общем, что-то такое, Беатрис впихнуть можно будет.

Остановившись возле нужной комнаты, Финн приличия ради стучит в дверь — а вдруг он запомнил неправильно, а вдруг там все наглухо занято и его сейчас поприветствуют предложением пройти нафиг, — а потом, не дождавшись ответа, все же сует нос внутрь. Комната встречает его пустой циновкой и вообще девственной

чистотой с одной половины — как нераспакованная, — и демонстративным художественным беспорядком со второй.

— Ну вот. Соседка где-то есть, но знакомиться с ней тебе придется как-нибудь потом. Когда объявится, — говорит Финн, сгружая рюкзак Беатрис у свободной циновки. И напоследок поясняет: — Если вдруг понадобится — у меня комната в соседнем корпусе, который справа. Но если что, тут кого угодно можно поймать за хлястик и сказать, что ты новенькая, поэтому тебе нужно срочно разобраться вон в том и вот в этом. Думаю, не откажут. Еще чем-нибудь могу тебе помочь?

Беатрис Альбрицци

За разговором дошли до очередной двери, на первый взгляд ничем не отличимой от всех прочих. Однако у этой Финн остановился, немного помялся на месте, а затем распахнул. Из любопытства заглянув парню через плечо, Беатрис увидела небольшую, но при этом довольно просторную комнату. Аскетичная, как и ожидалось, почти никак не меблированная, если не считать минимальных для проживания ширм, комода и низкого столика. При этом комната в себе практически идеально отражала тот самый символ инь-янь. Одна половина была девственно чиста, словно только что обустроена и потом только пыль смахивали. Вторая же, особенно на контрасте, являла собой воплощенный в материальном мире источник извечного космического хаоса. Брошенная одежда, неприбранная постель и, словно жемчужина, отдельно висящая кожаная куртка, до неприличного подозрительно похожая на ту, какие обычно носили рокеры, панки и прочие сомнительной вменяемости неформальные личности.

- Ох ничего ж себе..., - выдохнула явно впечатленная увиденным сицилийка. Самой соседки в комнате не оказалось, но если бы Альбрицци сейчас увидела разодетую в кожу и цепи девушку с колом стоящим на выбритой голове фиолетовым ирокезом - не удивилась бы. Нет, Трисс и сама далеко не ангел и в кричащие образы тоже любит и умеет, но тут как-то уж слишком много и сразу.

- Т.е. ты даже не знаешь, к кому меня подселил? - запоздало спохватилась Альбрицци, наконец отойдя от первого впечатления и осознав слова парня. Которые в кратком изложении сводились к пожеланию удачного знакомства. Которое Беатрис должна была организовать и провести уже как-нибудь самостоятельно. А оно явно обещало быть запоминающимся, о чем буквально кричала обжитая половина комнаты.

- Mamma mia....

Однако потом Альбрицци все же взяла себя в руки, напредила себе о патентованной сицилийской гордости и том факте, что перед трудностями пасовать нельзя. Точка. Конец предложения. Поэтому ворохнувшееся было где-то внутри желание ненавязчиво напроситься к другой, менее.... яркой соседке было быстро подавлено и так никогда вслух и не озвучено.

Финехас Зейдан

То, как выглядит комната, Беатрис откровенно не впечатляет. Финн очень даже готов ее понять — на фоне чистенькой и блестящей половины комнаты бардак совсем рядом выглядит вполне себе угнетающе. Поэтому Финехас немедленно делает сочувствующее лицо и кивает: мол, да, жизнь зла, соседи черти, и приходится от этого порой страдать.

А следом его подводит собственный язык, и по выбранной формулировке Беатрис

все-таки палит, что он подселит ее туда, незнамо куда.

— К девочке, — бодро сообщает Финехас. Женскую половину корпуса от мужской он отличает, но на этом его интеллектуальные потуги заканчиваются. И Финн не видит смысла этого прятать, а честно признается: — Я не всех учеников в монастыре знаю. Особенно новеньких, у нас тут постоянная текучка. Так что — да, я не знаю, к кому тебя поселил, имени не подскажу, уж прости. У тех, кого я знаю, соседки уже у всех есть. Если такое соседство тебя смущает, все еще могу предложить пустую комнату, пока ты не распаковалась. — Правда, к этому моменту на лице Беатрис начинает проступать смирение, которое довольно красноречиво говорит о том, что лазейкой в виде пустой комнаты она не воспользуется.

Других вопросов у девушки не остается, поэтому Финну только и остается, что откланяться и оставить Беатрис привыкать к ее новому жилищу. Сам он на ходу еще какое-то время пытается соображать, перебирает в голове, что такого важного надо было сказать, и проверяет, все ли из этого он озвучил, пока еще можно быстренько вернуться и дозакинуть в дверь парочку полезных фактов. Но ничего такого в голову не приходит, и Финн решает: ладно, если что-то и осталось, то это уж как-нибудь донесут мастера, не упустят. Не бросят, чай, новенькую ученицу на произвол судьбы, даже таким малочисленным составом, как сейчас.
